
Не убытками, не прибытками,
Слава богу, судьба не жалует.
Поработать бы над ошибками,
Исповедуя душу шалую.

Кто меня соблазнил калачиком,
Где я плетью хлестал по обуку,
Зря ли чувства свои растратил,
Ловеласом был или олухом.

Где в чести кураж — был застенчивым,
Надо быть скромней — я куражился...
Вновь бросаюсь

в жизнь опрометчиво —
Так мне нравится,
Так мне кажется.

Луна большая-пребольшая,
Звезда смиренная над ней,
И полумрак чужого края
Уже вчерашнего добрей.

Я не цыганистый пришелец,
В селе ворующий коня,
Обрез охранника нацелен
В другого парня — не в меня.

Не суеться, напрапалую,
По свежескошенной стерне
Я увожу жену чужую
При любопытнейшей луне.

Она, как девочка, робеет,
Меня до обморока зля...
А где-то там, но только с нею
Обетованная земля.

У Вечного огня

На Весенней бравивирует лето
Над холодным и пасмурным днём,
Будто каждая клумба согрета
Полыхающим Вечным огнём.

Луч проглянет — порхают стрекозы,
Солнце спрячется — явственной грусти.
Набегает непрошено слёзы,
Только я никого не стыжусь.

Подрастает былинное братство
И лиричных и пафосных лип,
И не может наивным казаться
Из души моей рвущийся всхлип.

Сибирячки

После долгой и нудной спячки,
После ссоры взрывной и вздорной
Отрываются сибирячки,
Потому что они — оторвы.

В них подспудные жили гейши,
Взаперти скрывая душу,
Долго-долго дремавший гейзер
Нынче выплеснулся наружу.

Бабуля доля. А вот и воля —
Век супружеский подытожить:
Трудоголик он, алкоголик —
Впрочем, это одно и то же.

Слава страждущим и влюблённым,
В тёмном холле и в поле чистом.
Их любовник Ален Деломом
И красив, и в любви неистов.

Возвратятся, и слава богу,
С обновлённым, довольным сердцем.
Муж в подушку упрётся рогом
И поспыивает младенцем.

Я был жесток, но прав, пожалуй,
Что, бессознательно браня,
Я вводил тебя с пожара
От сумасшедшего огня.

Огонь и полымя — пучина.
Тебе навряд ли будет впрок
Мятежного адреналина
Совсем не надобный глоток.

К чему тебе чужое горе,
Когда беспомощная ты.
Смотри, на чистом косогоре
С кровавым отблеском цветы.

И пахнут молодо и остро,
Как бабушкин подовый хлеб...
Подумаешь, у дяди Монстра
Сгорел ещё один вертеп.

«Нашим детям уготовано
счастливое будущее» —
сов. лозунг.

Бачатский разрез

Горловина смердящего кратера,
Истоплённо разинутый зев,
А над ним нелюбовь богоматери
И всевышнего истовый гнев.

Сколько силушки русской потрачено
На бесцельные тонны угля,
И стоят по буграм автоматчики,
Беспардонные слуги жуля.

Вроде бы не работал с прохладцею
И не клял человеческий род...
Уготованная резервация
Ждёт доверчивый русский народ.

В тоннеле

Изгибается, как полоз
На горячей сковородке,
И во тьму ползает поезд
По своей железной тропке.

Испугавшись, я отпрянул
От гремящего оконца.
Вдруг проникнул в душу прямо
Мне игривый лучик солнца.

Всю дорогу мирно, тихо
Ты, насупившись, молчала,
Расхрабрысь в потёмках, дико
Вдруг меня поцеловала.

Взрывник

Торопясь и не трусливой прытью
Я шагаю к добродушному укрытию.

Позади, в расщелине породной
Полыхает шнур огнепроводный.

Искрами всё ближе к аммоналу,
Жажнет вдруг! — скалы как не бывало.

Станет в небе облако метаться,
И земля и воздух колыхаться,

Сверху падать острые камни
За мои лихие прегрешенья.

Но меня, как друга — ротозея,
Смерть взрывной по капле не рассеет.

Из детства

Я пас коров в березняке,
В крушинном логе.
Я ноги гред в коровяке
Босые ноги.

В грозу от хлесткого дождя,
Стального града
Меня, как юного вождя,
Спасало стадо.

Бурёнки, жертвуя собой,
Они — скотины,
Смыкали дружно надо мной
Рога и спины.

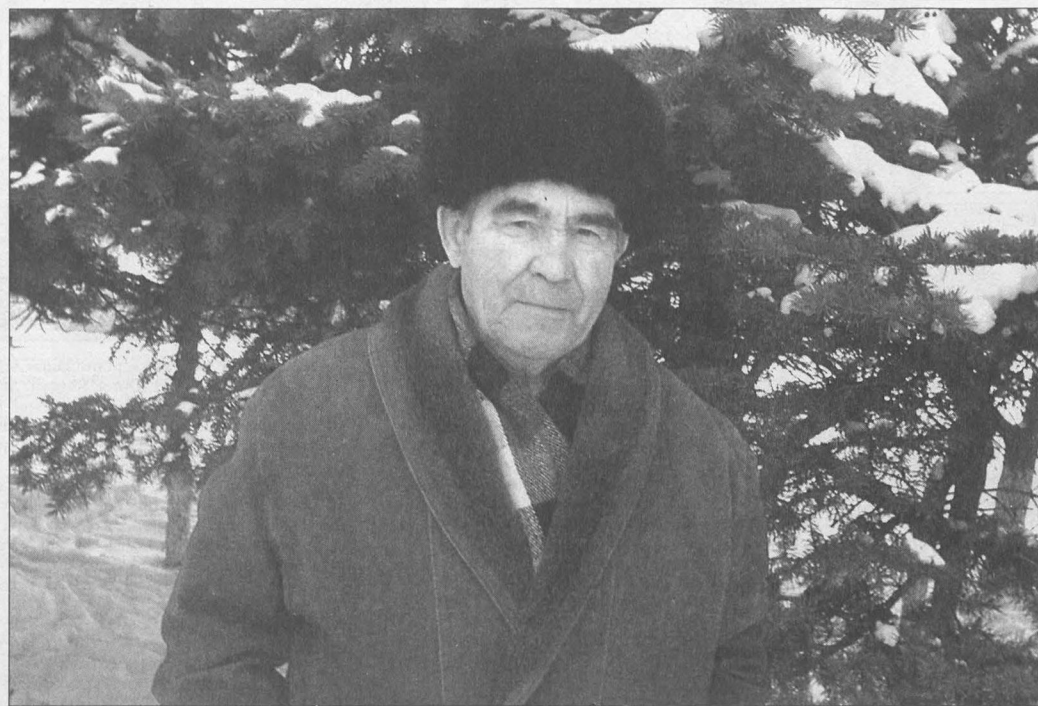
Грозой омытый березняк
Был чист и ясен.
Не обывал я их никак
И не дубасил.

Казанский собор

Седыми глыбами с низовий,
Загромождая окоём,
Всплывает мрак. Парализован
Собор живительным дождём.

Дождь окропит с молитвой — гимном
Российских витязей — солдат,
И перлы песни лебединой
Под синим куполом звучат.

Воспрянет седенький фельдмаршал
И мановением перста
Укажет путь к победным маршам
Своим отчаянным войскам.

Дмитрий КЛЁСТОВ.

«Вновь бросаюсь в жизнь опрометчиво»

И новой прорастут былиной
Его последние слова.
И купиною неопалимой
Взойдёт спалённая Москва.

Майклу — медведю из берлоги
санатория «Кедровый бор».

Медведко — пожизненный узник,
В полосу и небо, и лес.
Я твой молчаливый союзник
Из родственных, в общем-то, мест.

Ты пробуешь выломать клетку
Недожиной силой своей,
Могу я поплакать в жилетку
Об участи горькой твоей.

Окутал грибные полянки
Кипрея сиреневый дым,
Снюют черно-бурые самки,
А мы равнодушные к ним.

Дурманит малиновый запах
Печёнки другому зверью.
Никто нам лохматую лапу
Уже не протянет свою.

Взрвём по-хорошему, что ли,
Чтоб в душах вибрировал рык.
Нам нечего делать на воде,
Забывшим таёжный язык.

На плитках бетонных остыли
Звериные чувства твои,
Стальные клыки притупились,
А когти дерьмом обросли.

На крыше

Последнего гвоздя —
Пожизненная хватка...
И крапинки дождя
Сперва как бы украдкой

С лазурной высоты,
Затем напрапалую
Испробуют листы
На прочность вековую.

И тронутый до слёз,
И месецем сияя,
На крыше в полный рост
Подымется хозяин.

Рис. Андрея Горшкова.

Я влезу на конёк
На смотровое чудо.
Мой главный теремок
В моих мечтах покуда.

А дождь — хороший знак
Небесных канцелярий...
И пенится перек
В ореховом утаре.

Откукует кукушечка скоро
На опушке окрестного бора,
Насчитает лихие години,
Не осилит мне и половины.

Но коснётся коса травостоя
На макушке Петровского зноя,
Да нальются медовые злаки —
Я забуду кукушечки враки.

И забудет родная сторонка,
Но овсянка — приёмная мать
Будет нянчить её кукушонка
И научит по жизни порхать.

А вино тебе не впрок,
Званный ужин не по вкусу,
Молодой ядерный сок
Не сопутствует искусству.

И не избежать молвы
Пресмыкающихся сплетен.
Целомудренной вдовы
Ярлычок тебе не светит.

На фиг тебе ярлычок,
Аскетические ляды...
Бабе нужен мужичок,
Если мужичок согласен.

Письмена

Сам — блаженный, сам юродивый
Через тыщи вёрст ко мне
Посылает иероглифы
В каждом маминном письме.

Служба — ляпка, чтоб ты сгинула
В чуждающие края.
Уж давно невеста кинула
И гражданские друзья.

Тяжко служится, и вроде бы
Жить красиво на миру.
Что ты пишешь мне, юродивый,
Я никак не разберу.

Избы светлые соседние,
Ты, торчащий из рванья,
Звуки нечеловеческие,
Вот и всё, что помню я.

Несуветная нелепица
В малахитовой траве...
Неужели память теплится
В никудышной голове?

А вот жаждет с нетерпением
Сердце чистое моё
Вроде как благословение —
Наивысшее — твоё.

Я топором взмахну и крикну
(Мне дело это по зубам),
И годовые кольца кряжа
Пересечёт глубокий шрам.

Крепись, увесистая чурка,
Несокрушимый делай вид.
Трещит игривая печурка,
И банька русская дымит.

Окно обильно запотело,
Вдыхаю и не надыхусь.
Задорно крякая, по телу
Я свежим веником пройду.

До одури, молодцевато,
Я ищущу все мощи власти,
Водой холодной из ушата
Я обольюсь, перекрестясь.

И тело розово обмякнет
Иду на воздух, чуть дыша,
А стопку поднесут, и крикнет
Достоинство русская душа.

После взрыва

На-гора, у шахтного ствола
Водрузили маленькое тело,
Не затем, что яблоня цвела,
Птиха незатейливая пела,

Восходила божья благодать,
Наше долгожданное сегодня.
Было нам на это наплевать,
Ведь она сама, едрёна мать,
Выбрала работу в преисподней.

В ней мы не почували родства...
Чертыхаясь в задымлённом штреке,
Неуместны громкие слова
О любви и богочеловеке.

В лабиринтах каменных — бедлам
В атрибутах дунного ландшафта...
Нам хотелось выпить по сто грамм
После шибко взбалмошной шахты.

Отрубиться надо бы, поспать,
Книгу жизни полистать неспешно,
Где она красавица и мать,
Но уже во времени прошедшем.

Серебряный ручей,
Забористый морозко,
В белесой епанче
Случайная берёзка.

Прибрежный краснотал
На снежные завалы
Рассыпал, раскидал
Заморские кораллы.

И там, средь бела дня
Моя плутает память:
На тропке западня,
Обрыв, протока, наледь.

Мне нужен поводёр,
Чтобы минут опаску,
Где матушка Сибирь
Раздвигает сказку.

Гора Церковка

Ах, Церковка. Ох, Церковка!
Сила есть, была б споровка...
Вывь ведёт тропа — плутовка,
По камням взбираясь ловко.

На вершине скалы — зубья,
Выщербленные веками
Рядышком, а наши судьбы
Параллельными путями

Шли, бегут, а будут мчаться
К неминуемой остановке,
А всего-то было счастье —
На Церковке.

На Церковке.

Смотрины

На вечерке смотрины
Стало быть, состоится,
Манекеном с витрины
Буду я улыбаться.

А меня, как улюбка,
Оглазеют бесстыже
От зубов до желудка,
А потом и пониже.

Работящи ли руки,
Быстроходны ли ноги,

Есть ли шпраны и глюки,
Все ли выжаты соки.

Нет ли лоска и грима,
Всё прознают бабёнки,
Ну а главный-то имидж —
Да, конечно, деньжонки.

Это вовсе неплохо:
Жисть — жистинка такая,
Ловеласом и лохом
Я себя не считаю.

Склонен к жизненной прозе,
Не заёмный умишко,
Ну а главный мой козырь —
Жигули и сберкижка.

Тащится тихой сапой
По закоулкам к дому
Ядрёная, светлая баба,
А очи опущены долу.

Сигарочки, без укоризны
Отглаженная одежа.
Она ни чужим, ни близким
В глаза посмотреть не может.

А кто-то с ехидцей, грубо
Выскажет напрапалую:
Выродила душегуба,
Как носит земля такую.

Не было в жизни момента
Скверному слову даже,
Потомственных интеллигентов
Род навсегда изгашен.

Не помутился разум —
Это лишь и отрадно...
Законом сынок наказан.
Сердцем её — оправдан.

Обноски

Меня защищали чужие подростки,
Меня согревали чужие обноски.

Я путал сандалии долго и глупо,
Их забывал у колхозного клуба,
А чаще у каменной реки
С ровесником бега вперегонки.

Была мне и шапка татарская в пору
В студеную, долгую, зимнюю пору.

А нынче приятель, носясь по Европам,
Делится со мною своим гардеробом.

Не брезвую смачной чужой папироски,
Люблю просолённые морем матроски.

К лицу полшубок с чужого плеча —
Лишь бы не вора и не палача.

Улететь хотят дни.
Завихривает осень,
Расшищая между сосен
Трассу будущей лыжни.

Иглы терпкие свои
Омолаживает хвоя,
Белоснежного покоя
Ждут приятели мои.

Ты в распутице — грязи
Занемог на подороге
И напрасно ждёшь подмоги,
Тачку тяжкую везти.

Сядь, пожалуй, отдохни,
Разведи беду руками...
Счастливым тем, что жив покамест.
...Улететь хотят дни.

Черта

Я пешочком прошёл
Предназначенный путь,
За черту горизонта
Стараясь шапнуть,
Но маячила мне
Роковая мечта:
Горемычная шахта
В посёлке Черта.

Подземельное кредо.
Глубинный Парнас...
Факел жизни мой
Возгорался и гас.
Лез я в самое пекло
Других наперёд
Только в царстве Аида
Особый черёд.

Мне в забое нудил
Вопиющего глас,
Что мой корень —
Спрессованный угольный пласт,
А взрывная, торжующая
Сила пласта
Это крона моя,
Вековая листва.

Не приемлет пока
Торопыга-душа
Стариковские вопли
И скулежа.
Я ведь пестовал сам
Голытьбу — бедноту
Вот и вышвырнут ныне
За эту черту.

Ты выбрал место для жилья,
Приемлемое старику:
Глядясь горница твою
Большими окнами в тайгу.

Творит загадочную боль
Братишка дятел под окном —
В заборе старенький горбыль
Ошкуривая топорком.

Над кряжем гордая гора
Мохнатой шапкой вознеслась,
И песнь пасхальная с утра
С твоей молитвою силась.

Отчина! Дышится легко
И думка светлая в душе:
Чертог небесный далеко,
И вроде рядышком уже.

